

Захарова О.Ю.

доктор исторических наук, профессор

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В СССР (20-Е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ): ПРОТОКОЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Досліджується значення ділових і офіційних прийомів у системі дипломатичних відносин СРСР у вказаний період. Аналізуються дипломатичні та протокольні аспекти дипломатичних прийомів, їхня роль у вирішенні зовнішньополітичних проблем держави. Встановлено, що офіційні та ділові прийоми є одними з важливих складників дипломатичної діяльності. Прийоми виконують як комунікативну, так і інформаційну функції, сприяють розширенню та поглибленню ділових контактів, отриманню необхідної інформації.

Дипломатія – це мистецтво ведення перемовин. Після Жовтневого перевороту завдання зовнішньої політики вимагали створення нових форм ведення перемовин, невід’ємними складниками яких були офіційні прийоми. Розглядається діяльність завідувача протокольною частиною НКЗС Д.Т. Флоринського, аналізується один із основоположних документів радянського протоколу «Коротка інструкція щодо дотримання правил прийнятого у буржуазному суспільстві етикету», затверджена останнім у 1923 році.

В інструкції автор підкреслює, що необхідність контактів із зарубіжними представниками зобов’язує дотримуватися прийнятого у цих країнах етикету. Дотримуючись необхідного мінімуму, представники робітничо-селянського уряду не повинні ставати рабами невластивого їм етикету. В інструкції подано рекомендації щодо організації прийомів, використання візитних карток, особливе місце відведено зовнішньому вигляду радянського дипломата.

У процесі дослідження було проаналізовано документи Архіву зовнішньої політики РФ, які тривалий час були недоступними широкому колу вітчизняних і зарубіжних учених.

Ключові слова: зовнішня політика, дипломатія, протокол, прийоми, контакти, інформація, перемовини.

Постановка проблеми. Поняття «дипломатія» об’єднує внешнеполитическую деятельность руководителей государств и высших органов власти. На разных этапах развития общества менялись ее методы и средства. После Октябрьского переворота новые задачи внешней политики СССР требовали создания новых форм ведения переговоров, неотъемлемой составляющей которых являлись официальные приемы.

Дипломаты, аккредитированные в Москве, собирались каждое воскресенье в Английской миссии, но при этом сотрудники НКВД не приглашались (как и на собрания в других миссиях). Встречаться с иностранцами в ресторанах представители НКВД не имели возможности. Отсутствие контактов – отсутствие информации. Подобная ситуация не устраивала советскую сторону. Один из вариантов решения проблемы – открытие в Москве дипломатического клуба, записку об организации которого Флоринский составил в январе 1923 года. Официальные причины открытия – просьба членов Дипкорпуса и отсутствие контактов с иностранными диплома-

тами сотрудников НКВД. «Редкие официальные приёмы с банальными и шаблонными разговорами не создают нужной интимности и не могут служить целям мало-мальски серьёзной информации», – писал в записке Флоринский [1, с. 2].

Одной из важных причин открытия дипломатического клуба, по мнению Флоринского, являлось то обстоятельство, что он позволит осуществить «наблюдение за иностранцами в ту пору, когда они находятся только в своей среде – отдельные группы в читальне, ресторане и та далее» [1, с. 2]. Обеды, завтраки и другие приёмы располагали к откровенности, наблюдение за дипломатами должен был вести специально подобранный обслуживающий персонал [1, с. 3].

Председателем клуба Флоринский предлагал назначить персидского или германского посла, на каждого из которых всегда можно «дружески и частным образом оказать давление в интересующих нас вопросах» [1, с. 4]. Заместитель председателя – представитель НКВД. В правление также входили два представителя от советской стороны и два иностранца. В клуб принимали членов дип-

корпуса без ограничений (причина отказа – недостойный поступок кандидата). Для советских представителей это была «самая строгая фильтровка» [1, с. 5].

29 марта 1923 года заведующим Протокольной частью НКВД Флоринским была утверждена «Краткая инструкция о соблюдении правил принятого в буржуазном обществе этикета». В ней подчёркивалось, что необходимость контактов с дипломатическими, правительственными и общественными деятелями зарубежных стран обязывает к соблюдению принятого «в этих кругах минимума этикета, без коего невозможно подерживание отношений. Резкое отступление от коего может даже повести к нежелательным конфликтам в виде того значения, которое придаётся в буржуазном обществе внешним условностям <...>» [1, с. 20].

Далее начальник Протокольной части НКВД напомнил своим коллегам, что представители рабоче-крестьянского правительства, соблюдая «необходимый минимум, ниже которого нельзя идти», не должны становиться рабами «чужого нам по духу этикета», которому советские представители обязаны следовать ввиду современной политической ситуации, но в то же время, подчиняясь буржуазному этикету, не следовало придавать «никакого значения всем этим церемониям и стараться их упростить» [1, с. 20]. Основные правила вежливости советского дипломата – пунктуальность и скромность.

Особое внимание в инструкции 1923 года отводилось визитным карточкам. Полномочный представитель оставлял официальным лицам визитные карточки, на которых указывался только его титул без фамилии, или карточки, на которых сначала было напечатано его имя и фамилия, а затем титул. Дамам оставляли карточки без титула (на них были указаны только имя и фамилия) [1, с. 25].

При окончательном отъезде из страны полпреды и дипсостав оставляли карточки тем лицам, которым наносились визиты при приезде, и тем, с кем поддерживались отношения. На карточках в левом нижнем углу ставились буквы *r.p.c.* (*pour prendre conge*), а в левом верхнем углу – фамилия адресата. Полпред просил прощальную аудиенцию у главы государства для вручения отзывной грамоты, посещал Министра иностранных дел [1, с. 23]. Вручение верительных грамот проводилось согласно церемониалу, установленному в этой стране.

В день национального праздника полпред и дипсостав присутствовали на приёме у главы

государства. Если приёма не было, то оставляли карточки с буквами *r.f.* На личные визиты следовало отвечать в течение 24 часов личным визитом или оставлять карточку с загнутым правым углом. На карточки отвечали в течение 24 часов, надписывая карандашом в левом верхнем углу фамилию адресата (угол не загибался) [1, с. 24]. Если на официальных приглашениях на приёмы, обеды и завтраки были указаны буквы *R. S. V. P.*, то на них следовало отвечать в краткие сроки. Приглашения на большие приёмы, на которых не было проставлено таких букв, ответа не требовали. Отказ от присутствия на приёме требовал объяснения, например «ввиду имеющегося уже приглашения», «ввиду нездоровья» и так далее.

При организации приёма были недопустимы роскошь и экстравагантность, не следовало впадать в крайности. Подавая завтрак или обед, не нужно было стремиться поразить иностранных гостей обилием блюд и вин, но при этом «скромно» составленное меню должно было быть приготовлено так, чтобы «его можно было есть». Сотрудники должны были быть «прилично и чисто одеты, но без франтовства. Недопустимы слишком видные туалеты дам, кутежи сотрудников в ресторанах и так далее» [1, с. 21]. При оформлении интерьеров рекомендовалось избегать золоченой мебели или «утрированной в стиле «модерн»», а следовало приобретать удобную, но простую мебель. Для бланков, визитных карточек, меню необходимо было использовать гладкую белую бумагу хорошего качества (шрифт простой) [1, с. 21]. Приёмы подразделялись на три категории:

- небольшие завтраки и обеды, способствующие, по мнению Флоринского, установлению добрых отношений. На них гостей приглашали по телефону, частными письмами, приглашительными карточками;

- официальные обеды или завтраки для членов правительства и дипкорпуса (официальные приглашения);

- приёмы для правительства и дипкорпуса. В день Октябрьской революции время приёма колебалось от 3 до 5 часов, а в остальных случаях – до 10 часов. Завтрак или ужин сервировался «*a la fourchette*» (все стулья были убраны, закусывали стоя) [1, с. 29].

Особое внимание в инструкции 1923 года уделялось внешнему виду советского дипломата. Днём на все официальные мероприятия следовало являться в жакете, воротничок сорочки – «крахмальный», галстук тёмный, ботинки чёрные. Фрак можно было надеть днём только для вру-

чения верительных грамот, если этого требовали правила другой стороны. Однако даже в этом случае рекомендовалось заменить фрак жакетом. Цилиндр допускался, на траурных церемониях обязательным был чёрный галстук. На вечерние приёмы разрешалось надевать фрак или смокинг, но предпочтение отдавалось последнему из них, более «простому» виду одежды. При фраке нужно было носить белый галстук, белый пикейный жилет, запонки перламутровые, без цветных камней, ботинки или туфли чёрные, желателно лакированные. Смокинг требовал наличия чёрного галстука, чёрного или белого жилета, запонки и обуви как и при ношении фрака. В соответствии с приказом Реввоенсовета, военные и морские агенты на официальных приёмах могли появляться в форме.

Почти одновременно с выходом «Краткой инструкции о соблюдении правил принятого в буржуазном обществе этикета» Флоринский утвердил ещё один важный и по-своему уникальный документ в истории советского протокола – «Церемониал для жен дипсостава...», в котором настоятельно не рекомендовал женам дипломатических работников «увлекаться светской жизнью, а ограничиваться лишь необходимыми выездами на официальные приёмы» [1, с. 26]. При окончательном отъезде дамам, которым не делались личные визиты, оставляли карточки таким же образом, как было указано выше. При этом в нижнем левом углу было написано буквы р. р. с. Карточки доставляли на дом, их не оставляли в министерстве или посольстве, как в случае с холостыми сотрудниками. Если вновь прибывший полпред был холост или прибыл без жены, то он оставлял две карточки: одна с титулом (для мужа), вторая (для жены) только с именем и фамилией. Если полпред был женат и прибыл с женой, то оставлял также две карточки: одну с титулом (для мужа), вторую, на которой было написано *Monsieur et Madame* – имя и фамилия (например, *Monsieur et Madame Pierre Semenov*).

Туалет жен советских дипломатов должен был отличаться скромностью и простотой: «ношение драгоценностей и эгретов недопустимо». Для дневных визитов рекомендовался строгий «тайлер», а для обедов и вечерних приёмов – строгое декольтированное платье. По мнению Флоринского, одно и то же платье – это та же «прозодежда», которая как и фрак может носиться на все без исключения приёмы «и нет никакой надобности в нескольких платьях» [1, с. 26]. При вечернем платье шляпу не носили. Термином «прозодежда»

в 20–30-е годы называли протокольную одежду (визитка, смокинг, фрак, вечернее длинное платье), которую приходилось одевать советским дипломатам и их женам.

Жизнь дипкорпуса в Москве в начале 20-х гг. была весьма насыщенной. В качестве примера автор наводит выдержки из дневника Флоринского за 1923 год:

– 18 июля – приём и обед, организованный Каменевым в «Эрмитаж-Оливье» – единственном ресторане в Москве, в котором давались приёмы. За обед было заплачено 214 рублей (услуги, цветы, сигары и так далее, кроме вина и оркестра). По мнению Флоринского, это была крупная сумма за подобный вечер.

– 19 июля – Флоринский приглашен на обед к Ф. Радовицу «обед, <...> натянутый, <...> дамы декольтированы <...>. После обеда приехал Ф. Твардовский с женой <...>. После обеда играли в бридж» [1, с. 81].

– 20 июля – бридж для дипломатов в Денежном переулке. Один из гостей заметил, что «необходимо встречаться и разговаривать, а не только обмениваться отношениями» [1, с. 81].

– 22 июля – обед у одного из членов дипкорпуса, «разговоры о политике и искусстве с большой претензией на оригинальность <...>, играли в бридж». Здесь же Флоринский отмечает, что члены дипкорпуса собираются посещать скачки, которые их интересуют больше, чем бега [1, с. 82].

– 27 июля – Флоринский устроил “five o'clock tea” для А.М. Коллонтай, чтобы она познакомилась с членами дипкорпуса. Были приглашены Норвежский Поверенный в делах, Германский Поверенный в делах, старший помощник Британского агента. Коллонтай завоевала расположение своей любезностью членов дипкорпуса, которые, нарушив протокол, все (за исключением Питерса) поцеловали ей руку. Вечером Флоринский пригласил Кнолля и Кейля на бридж [1, с. 84].

– В июле – августе 1923 года обеды и приёмы с участием членов дипкорпуса устраивались в Москве практически каждый день. В большинстве случаев на приёмах играли в бридж и танцевали.

– 8 августа НКВД дал завтрак в «Эрмитаже» в честь американских сенаторов в присутствии Чичерина и Красина. По окончании завтрака все вышли в сад, где за маленькими столиками подали кофе. Прощаясь, сенатор Кинг спросил Флоринского, известно ли ему о жалобах скандинавского правительства по поводу коммунистической пропаганды, которую ведут, по его

сведениям, советские полпреды. Флоринский опроверг это заявление.

– 9 августа – обед у Твардовского. Флоринский отметил ярко-красный декольтированный туалет Твардовской и заметил, что она хорошо говорит по-английски и по-французски [1, с. 87].

– 24 августа Флоринский написал о «мальчишнике» у Эбессена (секретаря Норвежского полпредства), который уезжал жениться в Норвегию: «Около дюжины довольно элегантных девиц и дам <...>. Очень хороший холодный ужин и крушон в изобилии. Танцуют под граммофон <...>. Вечер проходит весело и непринуждённо» [1, с. 88].

Танцы являлись одной из главных составляющих в программе дипломатических приёмов. В фондах Протокольного отдела НКВД АВП РФ содержится перевод статьи «Как надо приглашать на танцы» из турецкой газеты «Иени – иел» за 12 ноября 1926 года, направленной из Анкары советским полпредством в Москву. В статье содержатся рекомендации по вопросам танцевальной этикета: «Танцевать с лицом, которому не представлен, не принято. Знакомить гостей друг с другом – обязанность хозяйки дома. Кавалер, который хочет пригласить даму на танцы, должен сказать: «Можно будет пригласить Вас, пожалуйста, на этот танец?». Если дама уже занята, то она должна вежливо ответить: «Извините эфенди, я уже обещала другому». Если только танцующее лицо вследствие своей усталости или по какой-либо другой причине откажется от приглашения танцевать, это лицо не может танцевать с другим или с другой тот же танец. Если только дама два раза отказывает кавалеру в танце, то это значит, что она с ним танцевать не желает. В таком случае приглашать более эту даму не годится. По окончании танца кавалер должен сопровождать даму до её места и, посадив даму, вежливо ей поклониться. Кавалер обязан сопровождать даму, с которой танцует, к буфету. Дама и самостоятельно может пройти до буфета. Если же не имеется буфета, а разносят только напитки, кавалер должен помогать даме брать эти напитки, но отнюдь не выпивать самому».

В дневниковых записях Флоринского за 1929 год танцы упоминаются при описании практически каждого официального приёма. В посольствах устраивались приёмы с танцевальной программой для дипломатической молодежи, костюмированные балы, на которые дамы одевали оригинальные, красочные костюмы, а шефы миссий – фраки. В 1928 году на приёме по случаю визита в СССР падишаха Афганистана по решению советской

стороны все должны были быть «в пиджаках». Это «упрощение» вызвало негодование некоторых глав миссий. Следует отметить, что ещё при получении от Флоринского извещения о приёме у председателя ЦИК СССР итальянский посол спросил его, правильно ли он понял, что приём будет в пиджаках, «нет ли в этом ошибки» [3, с. 14], на что Флоринский ответил, что советское правительство не признаёт другой формы одежды, и каждая страна имеет свой обычай. «Вы потребовали бы от нас, чтобы мы явились ещё в ночных рубашках, приличные люди привыкли вечером одеваться», – заметил Черутти [3, с. 14]. Флоринский возразил, что «приличие» – понятие относительное, его дело было указать форму одежды, в которой будут хозяева, а посол может поступать как ему угодно – являться во фраке или в ночной рубашке. В результате Черутти пришел в пиджаке.

В один из дней визита на раут был приглашен весь дипкорпус (форма одежды – фрак). Начальники миссий представляли падишаху и его супруге свой персонал. «Наших» дам королеве представляла Коллонтай [3, с. 15]. После небольшого концертного отделения джаз-бенд заиграл фокстрот. Однако танцевать никто не решался, и, чтобы «спасти» танцевальную часть приёма, Флоринскому пришлось открыть бал с одной из присутствующих дам (мадам Эрбетт). Около 24 часов падишах с семьёй покинул вечер, но многие его министры и большинство гостей были до 2 часов ночи.

Шестого мая после посещения падишахом аэродрома, где его встречали Ворошилов, Енукидзе, Карахан, представители военного ведомства, падишах с семьёй и свитой отправился на ипподром, трибуны которого были украшены советскими и афганскими флагами. В центральной ложе с падишахом и его семьёй находились Калинин, Енукидзе, Карахан. Дипкорпус присутствовал в полном составе на ипподроме. Состоялся розыгрыш приза Независимого Афганистана (падишах лично передал подарки наезднику и конюху), а вечером на торжественном спектакле в ГАБТе произошли протокольные «неприятности».

Началось всё с протестов некоторых инкоров, недовольных своими местами в ложах второго яруса. Им пришлось объяснять, что ложи бэльэтажа предназначены для дипкорпуса и нельзя сажать инкоров перед дипломатами. Но их поведение не шло ни в какое сравнение с поведением супруги Луначарского, которую ещё до начала спектакля и приезда афганцев Калинин пришлось буквально выставить из центральной ложи. Это не помешало ей снова «влезть» в ложу после

первого антракта под предлогом, что её пригласила афганская принцесса. Луначарскому указали на бесцеремонное поведение его жены и предупредили, что больше она не будет никуда приглашена. В ответ на это Луначарский заявил, что отказывается от поездки в Ленинград. К сожалению, это происшествие в тот вечер не было последним.

Далее падишах поставил протокольную службу в трудное положение, заявив, что желает обедать в театре, но в ГАБТе не было кухни, привезти с Софийской набережной обед и разогреть его в Большой Московской гостинице было трудно. В результате было решено не отменять чайный приём в первом антракте в Бетховенском зале, на который были приглашены главы миссий, а обед сервировать во втором антракте [3, с. 17].

Последний инцидент в этот вечер был связан с послом Франции Ж. Эрбеттом, который после спектакля во время разъезда «в резких выражениях» заявил, что «ему нет житья от ГПУ, что его не пускают в центральные фойе» (там ещё находились падишах и часовые) [3, с. 17].

Г.В. Чичерин в своих указаниях на имя Карахана детально разобрал программу каждого дня визита, вникая во все тонкости дипломатического протокола. Он обратил внимание своих коллег, что нельзя в программах визита писать «прием у товарища Калинина» или «прием у товарища Чичерина», не указывая конкретно вид приема и где он будет проходить. Что касается внешнего вида приглашенных, то недопустимо указание «костюм – фрак», поскольку если на приеме будет присутствовать товарищ Калинин, то «нельзя же нам быть во фраке, когда он будет в пиджаке. У многих из обозначенных приглашенных вообще нет фраков, нельзя же быть мне овердрессед, когда Калинин будет ундердрессед» [2, с. 157]. Замечания Чичерина демонстрируют не только его глубочайшие познания в области дипломатического протокола. Его стиль изложения отличает удивительная самоирония, присущая истинным интеллектуалам.

В это время Чичерин был не единственным высокообразованным дипломатом в Наркомате иностранных дел, к числу дипломатической элиты по праву принадлежит и А.М. Коллонтай.

Когда в 1928 году остро встал вопрос о сопровождении супруги падишаха Афганистана, Флоринский написал Карахану, что «наилучший и единственный выход из положения – это приезд в Москву товарища А.М. Коллонтай <...>. Не приходится говорить, что товарищ А.М. Коллонтай обладает всеми необходимыми качествами и если возьмётся за это дело, то блестяще его выполнит. Титул её посланника также играет большую роль и будет оценён афганцами» [2, с. 72].

Карахан предложил организовать приезд Коллонтай под видом отпуска или очередного прибытия по текущим делам, чтобы этот приезд в глазах окружающих выглядел случайным совпадением. Предполагалось, что «заботы» Коллонтай о королеве ограничатся Москвой и Ленинградом. В частном письме Флоринский успел предупредить Коллонтай до получения ею телеграммы от Чичерина с вызовом в Москву о цели её визита. Подобная «любезность» была очень важна для Александры Михайловны, поскольку избавила ее от лишних волнений (ведь «ради приятного не вызывают») и позволила в Берлине подготовиться к приёму, «обмундироваться», купив в Берлине меховую шубку (для вечеров), платье «для чая», шляпку, туфли и прочее. О мехах и туалетах Коллонтай много говорили, но на самом деле она «умела носить платья», и именно это позволяло ей выглядеть королевой. Решение пригласить Коллонтай было принято в отсутствие Литвинова, который не придавал большого значения представительской линии и вряд ли одобрил ради соблюдения норм протокола «срывать» полпреда. Следует отметить, что, в отличие от Чичерина, Литвинов не видел большого смысла в сближении СССР с Ближним Востоком. Максимальную пользу от визита падишаха решил извлечь именно Чичерин [4, с. 342].

Итоги. Новые задачи внешней политики СССР требовали создания новых форм переговорного процесса, неотъемлемой частью которого являлись официальные и деловые приемы, способствующие расширению и углублению контактов, получению необходимой информации. Дипломатический протокол и официальные приемы являлись действенными инструментами в решении внешнеполитических проблем.

Список литературы:

1. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 057. Оп. 3.П. 101. Д. 1.
2. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 6.
3. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 8. П. 106. Д. 9.
4. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922–1940 гг. М., 2001. Т. 1.

Zakharova O.Yu. DIPLOMATIC RECEPTIONS IN USSR (THE 20S OF THE XX CENTURY): POLITICAL AND PRACTICAL ASPECTS

This article explores the importance of business and official receptions in the system of diplomatic relations in the USSR during this period. There is an analysis of political and practical aspects of diplomatic receptions, their role in the solving the external political problems of the state. Official and business receptions were found out to be one of the important components of the diplomatic activity. Receptions perform both communicative and informational function. They contribute to the expansion and deepen of business contacts and to obtaining the necessary information.

Diplomacy is also the art of negotiations. After the October Revolution new tasks of foreign policy required to create other forms of negotiations where an integral component is official receptions. Activity of the head of the protocol section of the Foreign affairs commission. D. Phlorynskyij is considered. There is an analysis of one of the main fundamental documents of the Soviet protocol "Brief instruction about etiquette rules adopted in the bourgeois society" approved by D. Phlorynskyij in 1923. In the instruction, the author stresses that contact with foreign representatives obliges to follow the etiquette adopted in those countries.

At the same time, following necessary minimum, the representatives of the workers' and peasants' government should not become slaves of the etiquette alien to them. In the instruction there are recommendations how to organize a reception and use business cards. A special place is given to the appearance of the Soviet diplomat. Archival documents of the Russian Federation foreign policy were analyzed in the course of the research. These documents have long been inaccessible to a wide range of domestic and foreign scientists.

Key words: foreign policy, diplomacy, protocol, receptions, contacts, information, negotiations.